

УПРАВЛЯЕМОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Статья посвящена теоретическим перспективам изучения управляемости в социологии управления. Управляемость рассматривается как социальный феномен. Выявлена взаимосвязь управляемости с самоорганизацией и властью. Сделан вывод, что управляемость является предпосылкой и управления, и самоорганизации. Применение власти свидетельствует о кризисе управляемости.

Ключевые слова: социология управления; управляемость; самоорганизация; власть.

В силу социальной и управленческой специфики такого явления, как управляемость, его изучение может проходить в рамках одной из социологических дисциплин – социологии управления, задача которой состоит во взаимосвязи общей социологической теории с теоретической частью эмпирических исследований управления.

Сама идея взаимосвязи социологии и управления подчеркивалась многими социологами. О. Конт считал, что социология должна знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять. П.А. Сорокин полагал, что задача социологии – лечить социальные болезни. У Т. Парсонса и Р. Мертсона этот призыв трансформировался в представление о социальных проблемах как болезнях, которые социология должна разрешать.

При этом не только теоретическая социология много дает управлению, но и оно ей. Так, Парсонс подчеркивал, что создание полноценной теории действия в социологии возможно, если видеть в ней управленческую (менеджеральную) науку. Он пишет: «Действительно, я убежден, что хорошая общая теория в области социального действия, независимо от того, насколько прочно оно основано на одной дисциплине, неизбежно является менеджеральной теорией» [1. С. 67].

Развитие идей сочетания социологического и управленческого начал под эгидой социологической науки стало толчком к созданию социологии управления. Это одна из относительно новых социологических дисциплин, активно развивающихся с начала 1990-х гг. Предмет социологии управления еще находится в стадии становления, но уже есть интересные подходы к его определению.

Так, по мнению А.В. Тихонова, «социология управления является отраслевой социологической наукой, которая изучает закономерности становления, функционирования и развития управления как социального института во взаимодействии с другими институтами общества, изучает условия, формы и механизмы управляемости социальных общностей как субъектов общественных отношений, изучает целевые социальные системы как функциональные единства рациональной (искусственной) организации и спонтанной (естественной) самоорганизации» [2. С. 163]. Особым интересом социологии управления является поиск закономерностей построения, функционирования и развития управляемых социальных систем [3. С. 291].

Франц-Х. Кауфманн и Г.А. Меньшикова в качестве объекта исследования социологии управления рассматривают механизм институциональной координации [4. С. 118]. По мнению Л.Т. Волчковой, В.Н. Мининой и В.А. Малышева, социология управления «позволяет выявить, как сложившиеся устои, традиции, нормы

влияют на управленческие взаимодействия, на модели поведения управляющих и управляемых» [5. С. 20].

Исходя из данных определений, социология управления изучает институциональные механизмы управления и управляемости. Другой важной особенностью изучения управляемости в социологии управления является соответствие парадигмальных предпосылок данной дисциплины современным подходам в области управления.

На наш взгляд, изучение управляемости в социологии управления должно базироваться на следующих предпосылках:

- антитехнократический подход к управлению;
- требование социализации управления, его обращения к конкретным потребностям людей;
- указание на необходимость анализа последствий управленческих решений в терминах социальной, а не экономической эффективности;
- акцент на согласовании интересов субъектов, а не на конфликте между ними, поиск механизмов достижения согласия;
- указание на важность обращения к человеку как непосредственному субъекту управления;
- социальная приоритетность гражданского общества перед государством, рядового населения перед властью и при этом их взаимная ответственность за судьбу общества.

Основанная на данных предпосылках социология управления может рассматриваться в качестве научной дисциплины, создающей и распространяющей современный взгляд на управляемость и методы её достижения. При этом управляемость рассматривается как основополагающая социолого-управленческая категория, конструирующая теорию управляемости в социологии управления. Большое значение в процессе создания данной теории играет определение места управляемости в категориальном ряду социологии управления.

Категориальное окружение управляемости, на наш взгляд, состоит из категорий «самоорганизация» и «власть».

Следует отметить, что исследование такой категории, как самоорганизация, в теории управления и в синергетике различно. Синергетика, изучая самоорганизацию, делает акцент на организации порядка из хаоса, на кооперации подсистем как принципе любой системы [6]. Для синергетики важен момент порядка, его самовозникновение, и, следовательно, прежде всего рассматривается структура «хаос – порядок».

Теория управления, напротив, акцентирует внимание на стихийности и принципиальной непредсказуемости самоорганизации. В связи с этим в теории

управления управляемое и планируемое, выступающие почти как синонимы, противостоят неуправляемому и непланируемому (спонтанному). Теория управления признает, что сложная система не может быть целиком и полностью планируема и управляема, в ней с необходимостью есть элементы, возникающие спонтанно, есть собственная саморегуляция и самоорганизация [7. С. 45]. Рассуждая о самоорганизации, теория управления анализирует, прежде всего, момент беспорядка, спонтанности, возникающий как нарушение целенаправленного управления, и изучение самоорганизации происходит в контексте структуры «порядок – хаос». С позиций теории управления самоорганизация отличается непредсказуемым, нецелевым результатом.

В классическом варианте и синергетики, и теории управления управляемость противопоставляется самоорганизации.

Так, если для теории управления управление предстает как непрерывный процесс, то синергетика видит в управлении точечное воздействие, которое должно только направить и подкорректировать ход самоорганизации. Наиболее благоприятной для управления является точка бифуркации, когда возможно изменение направления развития системы. Управляемость возникает только в момент этих точечных управленческих воздействий, направляющих преимущественно самоорганизующуюся систему взаимодействий. Как только начинается самоорганизация, управляемость исчезает.

Такая позиция синергетики означает, что управление – это достаточно редкий случай в преимущественно самоорганизующемся развитии. Повседневное управление в синергетике практически отрицается. Соответственно, столь же редкой и незначительной оказывается управляемость. Поэтому такое социальное явление, как управляемость, оказывается за границами синергетики.

В теории управления управляемость, напротив, является ключевой характеристикой, противостоящей стихии самоорганизации. Именно управляемость позволяет достичь цели, тогда как самоорганизация процесс достижения цели может нарушить. Управляемость искусственно организована и спланирована, самоорганизация естественна, она не поддается планированию и контролю.

Следует отметить, что синергетика, пришедшая из естественных наук, пытается аккумулировать часть традиционно управленческой тематики и переложить её на свой лад. Данное обстоятельство нельзя однозначно считать положительным процессом, т.к. теория управления, апеллируя к достижениям всей совокупности научного знания, лучше синергетики способна воспринять субъектную природу управления, дополнив её изучением спонтанных процессов.

Мы полагаем, что спонтанные процессы – это ответная реакция субъектов на попытки ограничения их прав, поэтому уменьшение спонтанности в управлении – это предоставление большему числу заинтересованных лиц возможности участия в управлении и соуправлении. Таким образом, спонтанные процессы вполне осознанны. Синергетика, привыкшая работать с атомами, а не с субъектами, иногда склонна отдавать предпочтение бессознательным моментам в поведении.

Вместе с тем различие синергетики и теории социального управления не является непреодолимым, и возможно взаимное движение с обеих сторон с целью более глубокого понимания управления, управляемости и самоорганизации. Так, синергетика приходит к признанию роли управления. Как отмечает один из основоположников синергетики Г. Хакен, «...сама по себе слепая вера в эффекты самоорганизации, будь то, к примеру, в самоорганизацию некой фирмы, может иметь фатальные последствия. Система внезапно начинает двигаться в совершенно неожиданном и одновременно нежелательном направлении. ...Уже на основании этого можно утверждать, что с моральной точки зрения слепые закономерности коллективного поведения, как они устанавливаются ныне синергетикой, могут стать приемлемыми только через ответственное и сознательное человеческое поведение» [8. С. 105].

Некоторые представители синергетики видят в знании закономерностей самоорганизации основу для дальнейшего целенаправленного управления. Так, например, А.Ю. Лоскутов и А.С. Михайлов пишут, что «знание закономерностей самоорганизации дает возможность вмешиваться в деятельность существующих биологических организмов и живых систем и управлять ими. Можно также целенаправленно формировать живые (например, экологические) системы, чтобы они образовывали в своем развитии нужные нам пространственные структуры или обладали желательным временным поведением» [9. С. 8].

Теория управления со своей стороны также не отрицает позитивную роль самоорганизации, стремится более внимательно изучить процессы самоорганизации и подключить их к процессам управления. Самоорганизация необходима, но не как противодействие, а как поддержка управления. Поэтому силы самоорганизации надо поставить на службу управлению: управлять даже теми механизмами, которые обуславливают спонтанные процессы [7. С. 125].

Таким образом, мы полагаем, что самоорганизация, которая так же, как и управление, является процессом, координирующим взаимодействие, отличается от управления менее выраженной целевой ориентацией. Однако это близкие процессы, что особенно заметно в демократических системах управления. В связи с расширением управленческой роли многочисленных субъектов в децентрализованных системах управления граница между управлением и самоорганизацией почти стирается. Это происходит, в частности, потому, что субъекты, участвующие в процессах самоорганизации, – это субъекты управления, которые управляют собственными взаимодействиями. Следовательно, управляемость не противостоит самоорганизации, обеспечивая саму возможность данного процесса и его ход.

Таким образом, спор, что, прежде всего, видеть в самоорганизации – «организацию» (синергетика) или приставку «само-» (теория управления), лишь косвенно влияет на социологическое понимание управляемости. В силу того что самоорганизация – это процесс, а управляемость – это *качество* процесса, в социологической трактовке управляемость является такой же предпосылкой самоорганизации, как и управление. На наш взгляд, *без управляемости невозможно ни управление, ни самоорганизация.*

Следующая категория, с которыми обычно соотносится управляемость, – это категория власти.

Влияние власти на управляемость зависит от соотношения управления и власти. Существуют две основные модели, которые исследуют данное соотношение:

1) диалектически-конфликтная – «диалектика собственности – власти – управления», утверждающая принципиальную взаимозависимость власти и управления: имеют власть те, кто управляют, имеют власть; их привилегированное положение обеспечивает собственность, размер которой, в свою очередь, зависит от наличия власти и доступа к управлению;

2) консенсусная, требующая разделения власти и управления: те, кто имеют власть, не должны управлять, т.к. необходима подконтрольность системы управления всему обществу.

Существенным для нашего исследования является определение понятия власти, т.к. от этого зависит характер его связи с управлением и управляемостью. Оба указанных подхода исходят из вполне определенного классического представления о власти как воле одних субъектов, подчиняющей других субъектов. Этому представлению о власти придерживались К. Маркс и М. Вебер, и оно является наиболее распространенным в социологии. Так, например, в «Энциклопедическом социологическом словаре» в статье «Власть» Л.С. Мамут отмечает, что задача власти – подчинение всех субъектов системы воле носителей власти [10. С. 98].

Вместе с тем в теории управления и социологии последовательно развивалось и другое неклассическое представление о власти. Например, М.П. Фоллет создала концепцию «совместной, или доминирующей, власти». По её мнению, власть в организации не связана с вертикальным иерархическим изменением структуры организации. Она рассматривается как функция, имманентно присущая управлению вообще и неотчуждаемая от других функций управления. Власть – это результат выполняемых работником функций, конкретных заданий и ситуации, с которой он сталкивается. В связи с этим значение делегирования полномочий первым лицом, имеющим власть в организации (концепция Л. Урвика) в целом отрицается, делегирование полномочий происходит на основе авторитета. На основании этого В. Щербина делает вывод, что концепция М.П. Фоллет дает возможность ввести представление об административной власти в современной организации как иллюзии [11. С. 7, 27].

М. Крозье также видит во власти свойство, присущее в той или иной мере всем членам организации. Он определяет власть как отношение силы, где одно лицо может иметь большее влияние, чем другое, но никогда и никто не является лишенным всего объема влияния на других [11. С. 27]. Подчиняющийся может проигнорировать распоряжение, и в этом заключается его свобода.

Н. Луман последовательно развивает данную точку зрения. По его мнению, распространение власти на подчиненных только увеличивает её объем. Власть неразрывно связана с альтернативами действия, поэтому принуждение как отсутствие альтернатив является свидетельством уменьшения власти. Вместе с тем власть тем могущественнее, чем способнее добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия и бездействия [12. С. 20].

По Луману, власть усиливается по мере увеличения степени свободы обеих сторон. Она возрастает в каком-либо обществе по мере увеличения в этом обществе возможных альтернатив. Данное усложнение приводит к тому, что общество оказывается перед необходимостью развивать субституты для точного сравнения властных уровней. Эти субституты сами становятся фактором власти. В качестве таких субститутов могут служить иерархии, которые постулируют асимметричное распределение власти. По мнению Лумана, хотя предполагается, что начальствующий имеет больше власти, чем его подчиненный, в бюрократических организациях нормальным представляется как раз обратный случай. Фактически Луман связывает возникновение иерархии с необходимостью точного сравнения властных уровней многочисленных субъектов, ни один из которых не лишен власти полностью.

Э. Гидденс связывает власть, с одной стороны, со способностью индивидов приводить в действие решения, которые они сами выбирают, с другой – с «мобилизацией направленности», заданной институтами общества. Отмечая, что всякая деятельность есть власть, поскольку является преобразованием действительности, Гидденс усматривает во власти некое не индивидуальное, а коллективное действо. По его мнению, власть не связана с удовлетворением частных интересов. Она не является ресурсом, т.к. сама осуществляется с помощью ресурсов.

По Гидденсу, власть в рамках социальных систем, которые характеризуются некой протяженностью во времени и пространстве, предполагает регулярные отношения автономии и зависимости между индивидуальными акторами или коллективами в контексте социального взаимодействия. Однако все формы зависимости предполагают некоторые ресурсы, посредством которых «подчиненные» могут влиять на действия «подчиняющих». Гидденс называет эту закономерность социальных систем «диалектикой контроля» [13. С. 57–58].

Несмотря на различие классического и неклассического понимания, власть выступает как осуществление силы и влияния. Вне зависимости от того, присуща ли власть только руководителям или она есть и у подчиненных, власть – это волевое проведение определенных решений или их волевое бойкотирование, которое может быть связано с разными факторами (должность, статус, личные качества, характер выполняемых заданий, деятельность вообще). Применение власти порождает отношения зависимости и автономии, т.е. применение власти порождает определенное поле зависимости, за границами которого царит автономия.

С данных позиций вернемся к вопросу о соотношении власти и управления. На наш взгляд, управление отличается от власти следующими особенностями.

В отличие от волевого характера власти управление – более рационально, осознанно, целенаправленно, постепенно. Такое понимание сближает управление с веберовской бюрократией. Бюрократия в том виде, как она представлена Вебером в «Хозяйстве и обществе», представляет собой наиболее яркое проявление процесса рационализации. Она характеризуется следующими чертами: постоянная организация сотрудничества на основании правил, безличных, эксплицитных и

обязательных; разделение деятельности на четко разграниченные области компетенции, которые создают отношения субординации; централизация задач и иерархизация занимаемых должностей так, что каждый индивид в зависимости от своего образования и квалификации исполняет конкретную роль; полное разделение личной и профессиональной жизни; письменное подтверждение всех административных действий. По М. Веберу, речь идет о наиболее объективном, наилучшим образом адаптированном к сложности современного общества решении [14. С. 9].

Управление, действительно, во многом близко такому пониманию, однако не исчерпывается и не совпадает с ним. Во-первых, управление сущностно не связано с иерархизацией. Иерархизация не является принципом управления даже для классической школы менеджмента, она – следствие превышения нормы управляемости, т.е. количества подчиненных, которое может контролировать один руководитель. Превышение нормы управляемости требует введения новых уровней управления и, следовательно, иерархии.

Во-вторых, тотальная рациональность управленческой деятельности в ряде концепций (например, Г. Саймона) подвергается сомнению, т.к. имеет много ограничений. Управление стремится к рациональности, но является ли оно рациональным или нет – это дело оценки.

Несмотря на указанные недостатки концепции рациональной бюрократии М. Вебера, она до сих пор имеет большое значение, т.к. во главу угла ставит координирующую функцию управления и этим улавливает центральное отличие управления от власти. Управление – это, прежде всего, координация деятельности и взаимодействия. Также управление – это упорядоченность, обеспечивающая прогресс (О. Конт). Управление – это и сам процесс взаимодействия субъектов (управляющих и управляемых), позволяющий достигнуть цели. Если обобщить данные определения, *управление – это процесс упорядочивания во времени и пространстве разнородной деятельности в единую координированную систему, ориентированную на определенный результат.*

Как таковое управление вовсе не обязательно связано с властью, и тем более с насилием. Управление не требует применения власти как волевой основы принятия решений, хотя и может её использовать (а может и не использовать). Идеальное управление не прибегает к власти, оно обеспечивает управляемость самостоятельно. Власть, а затем и насилие применяются в случае «пробуксовки» осуществления деятельности или проведения решений, которые заведомо не получают поддержку. В связи с этим можно сделать вывод, что *сам факт применения власти – это свидетельство утра- ты управляемости.*

Вместе с тем в большинстве концепций применение власти рассматривается как средство восстановления управляемости, в качестве такого же средства затем выступает насилие (здесь мы придерживаемся лумановского понимания соотношения власти и насилия). Объединить данные взгляды можно, предположив, что управляемость, достигнутая управлением как координацией и коммуникацией (коммуникативная управляемость), управляемость, достигнутая в результате при-

менения власти (властно-авторитетная управляемость), и управляемость, достигнутая в результате применения насилия (насильственная управляемость), – это разные управляемости. Так, если система управления не справляется с задачами координации деятельности субъектов, субъекты применяют силу и влияние для восстановления управляемости, создавая управляемость, основанную на авторитете власти. В случае отсутствия возможности достижения и такой управляемости ряд субъектов применяют насилие и прямое принуждение, насильственно достигая управляемость под принуждением. В данном процессе возможна и определенная цикличность, особенно когда принуждение не достигло своей цели, и возникает новый консенсус, ведущий к коммуникативной управляемости.

Разграничив управляемость от феноменов самоорганизации и власти, выявив её социальное значение, мы можем дать характеристику управляемости с точки зрения различных социологических подходов.

Во-первых, можно провести анализ производящих и поддерживающих управляемость субъектов, создающих специфические институты – институты управления. Такой подход П. Бурдьё вслед за Э. Кассирером называет субстанциалистским. При этом адекватны и структурно-функциональная теория Т. Парсонса, и феноменология П. Бергера и Т. Лукмана, т.к. обе исследовательские программы стремятся объединить Э. Дюркгейма и М. Вебера. Достоинством данного выбора является описание проблемы управляемости как очевидной. Недостаток – «непризнание никаких других реалий, кроме тех, что поставляются непосредственной интуицией в обычном опыте индивидов и групп» [15. С. 185].

Во-вторых, можно сместить фокус нашего внимания с субстанции на связи и изучать не субъектов и институты, а связи между ними. Центральными окажутся категории взаимодействия, коммуникации, институционализации. В таком случае не субъекты и институты формируют связи, а связи формируют и субъектов, и институты. Социологические теории Н. Лумана, Э. Гидденса и П. Бурдьё предлагают разные комбинации субъектов, институтов и связей между ними. Важным отличием, позволяющим объединить столь различные теории, является объективация связей.

В-третьих, мы можем рассматривать связи, но не видеть их закрепления, воспринимать общество не как постоянно существующее, а как прерывистое, вспыхивающее то здесь, то там. Так предлагает нам изучать общество постмодернизм. Тогда у нас не будет только объективированных субстанций (субъектов и институтов), но и объективированных связей (коммуникации, структуризации, институционализации). Необъективированное общество, институты, субъект гетерогенны. Но не только в смысле социальной стратификации и биологических различий, как, например, понимал гетерогенность П.А. Сорокин [16. С. 24–25]. А в смысле принципиальной разобщенности общества, неспособности стать чем-то единым, когда производство разнообразного может быть только бесконечной суммой, т.е. суммой, которая не объединяет в целое собственные элементы [17. С. 348].

Мы полагаем, что в изучении управляемости из этих альтернатив предпочтителен средний путь, уде-

ляющий внимание и субстанциям, и связям. Тогда управляемость раскрывается как качество взаимосвязанных элементов: субъектов, институтов и связей между ними.

Управляемость, прежде всего, рассматривается нами как качество субъектов. В литературе часто можно встретить взаимосвязь категории «управляемость» с объектом, а не субъектом, ведь именно объект должен быть управляем [18. С. 38–45]. Мы считаем, что это не вполне оправданно. Если в качестве объекта выступают человек или группа людей, то их правомернее рассматривать в качестве управляемых субъектов, а не объектов управления, т.к., обладая свободой воли, они способны на самостоятельное поведение. Если же объектом управления является ситуация, то тогда управляемость также порождается не объектом, а субъектом управления. Данное обстоятельство, на наш взгляд, позволяет признать управляемость характеристикой субъекта управления.

Управляемость – это также качество институтов. Большинство социальных институтов влияет на управляемость в обществе. Это не означает, что сам институт создает и воспроизводит управляемость. Источниками управляемости являются лишь субъекты, наделенные свободной волей, т.к. только для таких субъек-

тов вообще возможна постановка вопроса об управляемости или неуправляемости. Институты – это специфические посредники в передаче управляемости между субъектами.

Управляемость – это не только качество субъектов и институтов, но и качество связи между субъектами, выраженное в механизмах взаимодействия и институционализации. При этом институционализация рассматривается нами как специфический вид взаимодействия.

Таким образом, *управляемость – это качество управляющих и управляемых субъектов и связей между ними, позволяющее им организовать общественную жизнь, используя институты управления.*

Дальнейшее изучение управляемости в социологии управления может идти по пути подробной характеристики управляющих и управляемых субъектов, выявления их общности и особенностей, тех черт, которые им присущи в современном обществе. Немаловажно и подробное исследование институтов управления, служащих посредниками в передаче управляемости в обществе, т.к. они могут существенно трансформировать тип управляемости в процессе передачи. Особое значение может приобрести анализ характера связей между субъектами и институтами, служащих организации управляемых социальных пространств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века. М., 1965.
2. Тихонов А.В. Роль социологии труда в становлении социологии управления // Социальные проблемы труда в современном обществе и вопросы совершенствования преподавания социологии труда в вузах: Материалы семинара (27–29 сент. 1997 г., СПб. ун-т). СПб., 1999.
3. Тихонов А.В. Социология управления: Теоретические основы. СПб., 2000.
4. Кауфманн Франц-Х., Меньшикова Г.А. Социология управления как область научного знания (зарубежные исследования 80-х годов) // Социология экономики и управления: Сб. статей / Под ред. Л.Т. Волчковой. СПб., 1998.
5. Волчкова Л.Т., Минина В.Н., Мальшев В.А. Социальное управление: научная рефлексия социолога // Социальное управление и планирование: Сб. статей / Под ред. Л.Т. Волчковой. СПб., 2004.
6. Хакен Г. Синергетика. М., 1980.
7. Социальная организация промышленного предприятия: Соотношение планируемых и спонтанных процессов / Под ред. Н.И. Лапина. М., 2005.
8. Хакен Г. Самоорганизующееся общество // Управление и власть: Материалы междисциплинарного научного семинара / Под ред. О.Я. Гелиха, В.Н. Мининой. СПб., 2004.
9. Лоскутов А.Ю., Михайлов А.С. Введение в синергетику. М., 1990.
10. Мамут Л.С. Власть // Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1995.
11. Щербина В.В. Социальные теории организации: Словарь. М., 2000.
12. Луман Н. Власть. М., 1998.
13. Гидденс Э. Устроение общества; Очерк теории структуриации. 2-е изд. М., 2005.
14. Ферреоль Ж. Социология. Терминологический словарь / Под ред. Д.В. Иванова. 2-е изд. СПб., 2003.
15. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдьё П. Начала. Choses dites. М., 1994.
16. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2: Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М., 1993. С. 24–25.
17. Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М., Екатеринбург, 1998. С. 348.
18. Солодкая М.С. Сущность управления и проблема управляемости // Теоретический журнал CREDO. 1998. № 3. С. 38–45.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 19 сентября 2008 г.